

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья

УДК 81.373.2

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_113

EDN: HPENHH

Топосы «ближний / дальний» в этнокультурном пространстве

Елена Федоровна Ковлакас

Кандидат филологических наук, заведующая кафедрой таможенного дела и международных отношений Новороссийского института, Московский гуманитарно-экономический университет. 353907, г. Новороссийск, ул. Видова, д. 56

amica.2013@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0655-3952>

Аннотация. В статье поднимается вопрос о концептуализации пространства с позиции «свой» / «чужой». Процесс коммуникации с представителями другой культуры стал для человека жизненным опытом и осознанием того, что в «другой культуре» присутствует иная система ценностей и норм поведения, которые могут отличаться от принятых в его родной («своей») культуре. Явления другой культуры часто не совпадают со своими, принятыми в «своей». Таким образом, понятие «культура» включает в себя «границу» восприятия, способа закрепления (кодирования / декодирования) и разграничения «своего» и «чужого». «Чужая» культура заставляет переживать неизвестные ранее эмоции. На первый взгляд, индивиду может показаться, что ценности, которые лежат в основе «его культуры», понятны другим людям. Но впоследствии можно обнаружить, что привычные модели поведения дифференцируют представителей разных культур, ставят между ними «границу». И эта граница, сначала невидимая, но потом все более осязаемая и понятная, позволяет разграничивать «своего» и «чужого».

На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что граница становится сама по себе особым механизмом, с помощью которого представляется возможность декодирования информации с языка семиосферы одной культуры на язык другой. Интерпретация системы смыслов чужой культуры, фиксация опыта ее носителей позволяет «перейти границу» и познать чужой, ранее неизвестный мир. Реальный мир, уже познанный, может дать новую информацию, переживания, изменить мировоззрение и расширить жизненный опыт.

Ключевые слова: концептуализация действительности; ближний и дальний топосы; картина мира; вербализация пространства; коммуникативная экстраполяция

Автор благодарит Адыгейский государственный университет (г. Майкоп) за помощь в формировании концепции исследования и сборе фактического материала; Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Новороссийск) за поддержку научного исследования

Для цитирования: Ковлакас Е. Ф. Топосы «ближний / дальний» в этнокультурном пространстве // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 113–122. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_113. <https://elibrary.ru/HPENHH>

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Original article

«Near / Far» toposes in ethnic cultural space

Elena F. Kovlakas

Candidate of philological sciences, head of the department of customs and international relations at Novorossiysk institute, Moscow state university of humanities and economics. 353907, Novorossiysk, Vidov st., 56

amica.2013@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0655-3952>

Abstract. The article raises the question of conceptualizing space from the position of «own» / «alien». While communicating with representatives of another culture a person acquires life experience and realizes that «another culture» has a different system of values and norms of behavior that may differ from those adopted in the person's

native («own») culture. The phenomena of another culture often do not coincide with those adopted in «their own» culture. Thus, the concept of «culture» includes the «boundary» of perception, of the method of fixing (encoding / decoding) and distinguishing between «own» and «alien». «Alien» culture makes one experience emotions previously unknown. At first glance, one may think that the values underlying «his or her culture» are understandable to others, but later it can turn out that habitual patterns of behavior differentiate representatives of different cultures, and put a «boundary» between them. This boundary, invisible at first, but gradually becoming more and more tangible and clear, makes it possible to distinguish between «one's own» and «alien». On the basis of the conducted research, the author comes to the conclusion that the boundary becomes in itself a special mechanism by means of which it is possible to decode information from the semiosphere language of one culture into the language of another. Interpreting the foreign culture's system of meanings, fixing the experience of its bearers allows one to «cross the boundary» and cognize the alien, previously unknown world. The real world, already cognized, can provide new information and impressions, change worldviews, and broaden life experience.

Key words: conceptualization of reality; near and far toposes; picture of the world; verbalization of space; communicative extrapolation

The author thanks the Adyge State University (Maykop) for assistance in forming the research concept and collecting factual material; Financial University under the Government of the Russian Federation NF (Novorossiysk) for support of scientific research

For citation: Kovlakas E. F. «Near / Far» toposes in ethnic cultural space. *Verhnevolski philological bulletin*. 2023;(4):113–122. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_113. <https://elibrary.ru/HPENHH>

Введение

Оппозиция «свой vs. чужой» одними исследователями расценивается как многослойный концепт [Карасик, 2003]; [Степанов, 1997]; [Пудова, 2009]; [Сахно, 1991]; [Балашова, 2014]; [Чернобай, Мансурова, 2013]; другими – как лингвокультурологическая категория [Красильникова, 2005]; третьими – как когнитивная матрица [Нехорошева, 2012]; четвертыми – как дискурсивные маркеры в процессе формирования коллективной идентичности СМИ [Бойко, 2005].

Ряд ученых в этой оппозиции видят один из параметров вариативности языковой картины мира [Санцевич, 2003] или коммуникативную модель оппозиционного дискурса [обычно – политического: см., например, [Шейгал, 2004].

Данная оппозиция рассматривается как основа коммуникативной категории чуждости; как социальная оппозиция в политическом дискурсе [Королева, 2017].

Проблемное поле категоризации своего и чужого в языке и речи стало дискуссионным вопросом на международной конференции «Свое – чужое в языке и речи» 27–29 июня 2014 г., организованной кафедрой русского языка Тартуского университета.

Права немецкая исследовательница Андреа Вильден, утверждая, что картина мира, выстраиваемая любым этносом, предполагает построение собственной геометрии действительности, которую этнос по-своему оценивает и интерпретирует [Wilden, 2013, s. 49]. Это, безусловно, относится как к оценке территории, на которой этносы проживают, так и к оценке территории за ее

пределами. Подобное аксиологическое действие естественным образом подвергается семиотизации (означиванию) при помощи вербальных и невербальных знаков: происходит *лингвосемиотическая категоризация* мира двучастного – *мира своего и мира чужого / иного / другого*.

Территориальный фактор чрезвычайно значим при семиотизации своего и его когнитивного (семиотического, языкового и дискурсивного) отделения от чужого / иного / другого; данное обстоятельство фиксируется исследователями разных лингвокультур. М.Ю. Свинкина акцентирует внимание на том факте, что «одним из компонентов значения немецкого прилагательного *fremd* является указание на место, пространство (*fremde Länder* – чужие страны, *fremde Umgebung* – чужое окружение)» [Свинкина, 2016]. Сема локализации места, пространства содержится также и в значении английского прилагательного *foreign*, ср.: «*foreign*, adj. belonging to another country; from abroad: not belonging to...» [Chambers's Etymological Dictionary of the English Language, 1874]. По мнению В. А. Буряковской, «...культурологическая оппозиция 'свое – чужое' является базовой, архетипической во многих культурах. Этничность – один из вариантов ее реализации, которая происходит на уровне <...> локальности (городской vs. сельский, „наш двор” vs. „чужой двор”))» [Буряковская, 2000].

Методы исследования

В нашей работе мы опираемся на концепцию Ф. де Соссюра, который рассматривает знак и как психическую сущность – единство означающего

(significant) и означаемого (signified), и как семиотический механизм, связывающий понятие и акустический образ. Эти два компонента, связанные между собой и составляют знак: «...в языке невозможно изолировать звуковую сторону от содержательной, мысль отделить от звучания» [Соссюр, 1977]. Концепция построения знака, а применительно к нашему исследованию интерпретации знака, помогает раскрыть смысл, содержащийся в топонимах через его значение, главный признак (концепт) и его целостный нерасчлененный образ (денотат).

Свое исследование мы строим на синергетическом методе. Обращение к синергетическому методу в нашем исследовании обусловлено следующими положениями. Во-первых, предметом синергетики являются нештатные, неклассические ситуации, то есть процессы, в которых происходит структурирование в единое целое хаотично взаимодействующих элементов. Языковая система, не упорядоченная кем-то специально, обнаруживает внутри себя стройность, закономерность, способность к эволюции и жизнестойкость.

Во-вторых, категории синергетики позволяют проникнуть в смысл лексем и механизмов их порождения. Механизм смыслопорождения и смысловыражения в лексемах предстает как самостоятельная реальность, не претерпевающая в процессе развития значительных изменений.

В-третьих, на пересечении синергетики и лингвистики, с одной стороны, язык становится прообразом парадигмы открытой эволюционирующей системы, а с другой стороны, язык сам превращается в процесс, интерпретация которого двигает мысли в новом направлении. Методология синергетики включает в себе сумму принципов, среди которых принципы соответствия, дополнительности, относительности, наблюдательности.

Одним из свойств самоорганизующейся системы, какой является языковая, следует назвать ее открытость к восприятию информации из внешнего мира. Языковая система постоянно испытывает флуктации, то есть использование лексем в речевом акте, отражающем изменение ментальности субъектов, участвующих в речевом акте. Внешние воздействия, или флуктации, частично нейтрализуются способностью языковой системы к диссипации – потере некоторой информации. Языковая система испытывает на себе воздействие культуры, что только укрепляет ее и делает устойчивой.

Синергетический подход позволил нам исследовать языковой материал с использованием научных достижений других наук. Некоторые исследователи объясняют необходимость синергетического подхода к изучению языка эволюцией лингвистики, ее интеграцией и междисциплинарными связями. Например, в концепции В. И. Постоваловой трансцендентально-синергетическая установка лингвокультурологии заключается в «продумывании концепции языка на духовной реальности и содержания понятия «духовная культура» [Постовалова 1999].

Результаты

Ближний топос любым этносом расценивается как нечто свое, комфортное, родное, доброе и доброжелательное. Семиотико-топографическое означивание ближнего топоса осуществляется номинациями обладания территорией, некоторым локусом; так, в русскоязычном этносе это словосочетания «*своя земля*», «*своя страна*», «*свой хутор*», «*своя станица*», «*свой край*», «*свои шесть соток*» и т.п. Факт обладания поддерживается в дискурсивных практиках позитивной семиотикой, ср. примеры:

«А своя земля, ребята, и в горсти дорога, и в щепоти родина» (Евгений Носов. «Усвятские шлемоносцы» (1977));

«Несколько раз повторит: – Своя земля и в горсти мила!» (В.А. Никифоров-Волгин. «Весенний хлеб» (1923-1938));

«Только свой народ, своя страна могут защитить и поддержать». (Валентин Лебедев: «Болит душа за родину» // «Жизнь национальностей», 2000.09.29);

«Зачем? У нас своя страна – Россия. И я хочу, чтобы она была страной, граждане которой ощущали бы себя ее хозяевами» (Безрукова Людмила соб. корр. «Труда». «Олег Басилашвили: играть Брежнев я отказался» // Труд-7, 2005.06.04);

«Две вещи, две радости были у Пахомовны – черная шаль и икона, только они и оставили память о родном углу и, глядя на них, Пахомовна всегда плакала, вспоминая, потонувший в крутых зеленях Терновой балки, свой хутор Пригорский» (Д. И. Воротынский. «Белая смерть» // «Вольное казачество» № 58, 1930);

«Сейчас спуск вниз, в лощину, откуда видно будет лишь Скуриху, а своя станица скроется, – лишь вербовые заросли будут до самой Скурихи провожать и порой выглянут из-за них»

главы церкви...» (Ф. Д. Крюков. Ратник // «Русские записки», 1915);

«Малый музей – это рассказ о малой родине, той, что снится при долгой разлуке, это гордость за **свой край**» (З. Короткова. «Тулский пряник // «Наука и жизнь», 2008);

«Люди любят (или не любят) **свой край** независимо от его благосостояния» (М. П. Крылов. «Региональная идентичность населения европейской России» (2008) // «Вестник РАН», 2009);

«Им оказалась местная жительница, влюбленная в **свой край**, шустрая и ходкая, несмотря на свои 74 года» (Арсентий Теркель. «Соловки и петроглифы» // «За рулем», 2004.03.15);

«Дело в том, что семейство Щикачевых неумными трудами тети Ани быстро освоило **свои шесть соток** и обзавелось дачей» (Николай Климонтович. «Далее – везде» (2001));

«Потом перенес всю энергию, знания и опыт на **свои шесть соток**» (Александрова Марина. «В Украине больше всех живут китайцы» // Труд-7, 2001.09.20);

«Только получив какой-нибудь чин, пусть поручика, он уходил в отставку и уезжал в **свое поместье** (двор к тому времени превратился в наследственное имение – поместье)» (Валерий Лебедев. «Новая элита – спасение России» // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.05.26).

Для адыгского этноса ближний топос – это территория всей Адыгеи, но наиболее дорого сердцу адыга то место в республике, где он родился; та земля, о которой адыг может сказать: **Сэ си хэгъэгу** – своя (моя) земля. В качестве примера дискурсивной актуализации такого благоговейного отношения приведем текст песни «Си Шапсыгъэ Хэгъэгу» («Шапсугия моя») на стихи Аскера Нагучева и Хасана Аллало; перевод на русский язык выполнен Нафисет Тхаркаховой:

Непэ сызыфаер сэ сэжъугъаш!
Шапсыгъэ пшъашгэм сыкъыдежъугъаш!
Ныпчыхъэ – пчыхъэ шлагъу...
Сэ сыкъыбдешэрагъу!

Чылэ джэгуако, моу зэ къэдагу,
Эгуй зэфакур сэ къысфезжъугагу!
Ныпчыхъэ – пчыхъэ шлагъу...
Сэ сыкъыбдешэрагъу!

Пщынаом пщынэр егъэкэрак!
Шапсыгъэм непэ сэ сырихъак!
Ныпчыхъэ – пчыхъэ шлагъу...
Сэ сыкъыбдешэрагъу!

Хэшъэе пхъэкыкэ макъ зыхэсэхы,
Саламы фаб чылэдэхсэм ясэхы...
Ныпчыхъэ – пчыхъэ шлагъу...
Сэ сыкъыбдешэрагъу!

Цыфэу къэкгуагъэр рагъэблагэщт,
Лэпсымкэ, пастэмкэ ягъахъакэщт!
Ныпчыхъэ – пчыхъэ шлагъу...
Сэ сыкъыбдешэрагъу!

Жъуагъохэр быракъым тетыхэр мэжъу...
Сэ си орэды шъукъыздежъу!
Ныпчыхъэ – пчыхъэ шлагъу...
Сэ сыкъыбдешэрагъу!

Псыбэ щыублэу Шэхэкэи нэс
Мыщ исыхэмкэ ты Чэркэс!
Ныпчыхъэ – пчыхъэ шлагъу...
Сэ сыкъыбдешэрагъу!

Хы Шуцэ нэпкъыр тэ тичыгужъ:
Шапсыгъэ лъэпкъым ар ихэкужъ!
Ныпчыхъэ – пчыхъэ шлагъу...
Сэ сыкъыбдешэрагъу!

(См. текст на сайте <https://www.facebook.com/anadilimadigabze/>)

Обратим внимание на семиозис подчеркнутой привязанности адыга к родине, к месту своего рождения. Эта привязанность художественно оформлена в следующем переводе:

Позвольте мне сегодня сделать то, что хочу: Станцевать с дочерью Шапсугов! Сегодняшний вечер – вечер прекрасный, Я танцую с тобой! Джегуако, послушай, Сыграй мне зафак «Агуйский». Сегодняшний вечер – вечер прекрасный, Я танцую с тобой! Гармонь заливается в руках искусного гар- мониста, Сегодня я гость Шап- сугии. Сегодняшний вечер – вечер прекрасный, Я танцую с тобой! Слышу звон самшито-	Встречают здесь всех гостей Шипс-пастой! Сегодняшний вечер – вечер прекрасный, Я танцую с тобой! Звезды на флаге свер- кают, Подыграйте мо- ей песне! Сегодняшний вечер – вечер прекрасный, Я танцую с тобой! Начиная с Псебая и до долины Шахе Проживают здесь Черкесы! Сегодняшний вечер – вечер прекрасный, Я танцую с тобой! Побережье Чёрного моря наша исконная земля! Это земля Шапсугов!
---	---

вых трещоток, Горячо Сегодняшний вечер –
приветствую всех вечер прекрасный,
аульчан, Я танцую с тобой!
Сегодняшний вечер –
вечер прекрасный,
Я танцую с тобой!

Дальний топос этносы обычно лингвосемиотически репрезентируют как чужую или чужеродную территорию, населенную чужими и, как правило, враждебными сущностями (людьми, животными, «бестиями», насекомыми и т. п.), заросшую незнакомыми и, как правило, несъедобными / ядовитыми растениями. Так, русскоязычный этнос оязыковляет такой топос лексемами *чужие края, чужеземщина, чужбина*; словосочетаниями *чужая страна, чужая сторона, чужие владения, в чужих землях, чужие земли, чужие страны, чужие народы, чужое государство, чужая территория, чужое племя*.

Чужак как пришелец из дальнего топоса таил в себе опасности, угрозу, беспокойство, но по законам гостеприимства его следовало задобрить; как пишет Г. И. Кабакова, «...ритуалы гостеприимства были направлены на то, чтобы нейтрализовать его (гостя – Е. К.) вредоносное влияние» [Кабакова, 2015].

Е. С. Пивовар проанализировал языки на материале русской и белорусской художественных литератур и сделал вывод о пространственном разделении на «свое» и «чужое», «...причем „своя“ – это чаще родной дом, а „чужая“ – территория за границами дома, родной деревни (города, страны) <...> Оппозицией родине как освоенной территории, в пространственном отношении выступает чужбина (бел. яз. – чужына). В большинстве художественных текстов она ассоциируется с холодом, отсутствием уюта, одиночеством: бел. яз. «Не мяняй свой куток на прастору чужую, / У прасторы чужой птушка гнёзды не ўе» (перевод на рус. – «Не меняй свой уголок на чужое пространство – в просторе чужом птица гнёзд не вьет») (Р. Бородулин) [Пивовар, 2019].

Враждебность по отношению к чужеземцам – представителям дальнего топоса, как констатирует классик этнологии и этнографии Дж. Дж. Фрэзер, – семиотизирована во всех древних ритуалах и обрядах; это касалось как семиотики встречи (ср.: «Знатокам древности знаком кровавый ритуал, который предание связывает с Дианой Таврической. Оно гласит: каждый *чужестранец*, который высаживается на берег, при-

носится в жертву на ее алтаре» [Фрэзер, 2018], так и семиотики рутинных хлебородных ритуалов, направленных на обеспечение богатого урожая («Лицом, которое в качестве представителя духа хлеба убивали на поле жатвы, мог, следовательно, быть ...прохожий *чужестранец*» [Фрэзер, 2018]).

Достаточная когнитивная освоенность дальнего топоса русскоязычным этносом просматривается в обилии признаков номинаций, ср.: а) с основой *чуж-* (*чужак, чужой, чужестранный, чужеземный, чуждый*); б) с префиксом *за-*, имеющим значение «нахождение по ту сторону или за пределами того, что названо исходным словом» (*заморский, заграничный, зарубежный, закордонный, заезжий*); в) с приставкой *ино-* со значением «другой, не тот, не такой, отличающийся от» (*иноплеменный, иностраный, иногородный, иноземный*); г) с приставкой *при-* со значением «прибытие из отдаленных мест» (*приезжий, пришлый, привозной*).

Дальний топос обычно враждебен, что фиксируется агональными знаками (*басурманское нашествие, иноземные захватчики, иностранные захватчики, иноземные завоеватели, иноземное нашествие, иноземное вторжение, иноземное иго*).

«Отграничивание» своего (ближнего) топоса от топоса чужого (дальнего) примерно одинаково у всех этносов; так, для дискурсивных практик русскоязычных этносов характерно использование *знаков-минасонимов* (от лат. *minas* – угроза, зло) при номинировании чужой земли, страны, пространства и т.п., ср.:

«*Чужая земля, чужое небо, смерть на всем*» (А. Н. Толстой. «Петр Первый. Книга первая» (1930));

«*Здесь себя чувствуешь, как на другой планете – чужая земля, чужая война, чужие законы*» («732 кровавых дня. Два года назад Борис Ельцин дал отмашку новой войне» // «Известия», 2001.09.23);

«*А вся остальная не его, чужая земля и злая*» (М. П. Лоскутов, (1935);

«*А что такое чужая земля, тот до конца своих дней не забудет, кто хоть раз попробовал хлеба из милости, из чужих рук*» (Василь Быков. «Знак беды» (1982));

«*Чужая обстановка, чужая земля и чужие растения на ней стали вызывать у отца горькую тоску по далекой России*» (К. А. Куприна. «Куприн – мой отец» (1979));

«Вокруг была **чужая земля**, холодно...» («Год победы» // «Огонек». № 1, 1970);

«Я присел и чуть не упал. По ту сторону расстилалась **чужая земля!** Не то чтобы какая-то деталь говорила об этом – нет, здесь все было совершенно нечеловеческое» (Андрей Лазарчук, Михаил Успенский. «Посмотри в глаза чудовищ» (1996));

«Но то **чужая земля**, могут меня ограбить: и у нас по дороге моего солдата убили разбойники; дай мне конный отряд провожатых» (Владимир Жаботинский. «Самсон Назорей» (1916));

«Тут для меня все вокруг было пусто: **чужие люди, чужие огороды, чужая земля**» (Валентин Распутин. «Уроки французского» (1973)).

Как свидетельствуют приведенные примеры, помимо того, что в самой лексеме ‘чужой’ семиотизирована идея угрозы и опасности, дискурсивный контекст пронизан минасонимами – ‘смерть’, ‘война’, ‘(несправедливые) законы’, ‘хлеб из милости’, ‘нечеловеческое’, ‘могут ограбить’, ‘убили разбойники’.

Судя по дискурсивному окружению, дальний топос в представлении русскоязычного этноса может быть привлекательным и манящим, ср.:

*Новозеландец не пожелал отсиживаться дома, периодически выигрывая у слабых соперников в местечковых боях, а отправился на **чужбину** за славой* (Ринат Салахетдинов. «Пробил выезд» // lenta.ru, 2018.03.31);

«...*Хотите терпеть – оставайтесь вонне, на верном диване, на сытной **чужбине**, учитесь терпеть до скончания лет, в зловонном туманце, в распутице серой, и помните твердо, что выхода нет*» (Дмитрий Быков // «Новая газета», 2018.08.18).

Однако, главным образом, чужой дальний топос для русских опасен, сложен для жизни и непредсказуем, о чем свидетельствует дискурсивный контекст, ср.:

«*Пришлось пожертвовать прядью волос и дать клятву остерегаться чужаков, ни с кем из них не говорить о том, что происходит внутри общины на **чужбине***» (Сергей Лютых. «Действовали дерзкие черные парни» // lenta.ru, 2018.02.25);

«*Салах с трудом осваивался на **чужбине** – даже несмотря на то, что в клуб привезли еще одного египетского игрока из того же «Контракторс» – Мохамеда Эль-Ненни*» (Николай Костюков. «Египетская сила» // lenta.ru, 2018.03.23);

«...*Отъезд на **чужбину** не гарантирует хорошей жизни*» (Андрей Манчук, украинский политолог. «Грязная работа» // lenta.ru, 2017.12.22).

Дальний топос также достаточно когнитивно освоен и адыгоязычным этносом: отметим такие номинации со значением отчужденности, как **хьмэ чыгу**, **хьмэ хэгъэгум** – чужая земля, чужая территория; **нэмыкI / пэмыкI чыгу** – другая / иная / далёкая земля; **хьмэ, тиен** – чужой, не наш; **хьмэ хэгъэгум кIон** – уехать за границу.

Паремиологические максимы адыгов весьма патриотичны; они противопоставляют предпочтительную смерть на Родине благоденствию в чужих землях (ср.: «**Хьмэ хэку сыщитхээн нахьы тыхэкужэ сыщэрэлI**» – «Лучше мне смерть в отчем краю, чем сладкая жизнь на чужбине») [Керашев, 2007]. Для адыга чужбина всегда холодна (ср.: «**Хэку зымылэм тыди чьыIэу кыщэху**» – «У кого нет Родины, тому кажется везде холодно») [Керашев, 2007]. Весь мир – чужбина для адыга, временное пристанище; только дом для него есть место постоянного пребывания (ср.: «**Хэгъэгум кэкIуахьы уиунэ ихьажэ**» – «Обойди весь свет и вернись в родной дом») [Керашев, 2007]. Чужбина опустошает силу духа адыга, заставляет пасть духом и искать пути отхода (ср.: «**ЗымыцI ис щауэр убзалэщи, бланэм шэр техуэмэ, псыхьуажэщи**» – «Юноша, находящийся на чужбине, робок, как лань, в которую угодила стрела, горазда уходит в речную долину») [АПП, 2016].

Как ближний, так и дальний топосы когнитивно осваиваются этносами, семиотизируются – оязыковляются, то есть получают языковое выражение при помощи вербальных знаков; означиваются, то есть получают сугубо знаковое выражение при помощи знаков-невербалий и транслируются в цивилизованный мир культурологически, в виде знаков культуры. Эти когнитивно-семиотические трансляционные операции формируют у представителей того или иного этноса разные типы картин мира – когнитивную, лингвoseмиотическую и цивилизационную (лингвокультурную).

Каждый этнос имеет свой ближний топос, репрезентирующий ‘свою землю’. Под топосами понимается смыслообразующее пространство и способ его репрезентации в слове, то есть пространственные образы.

Ближние топосы разных этносов достаточно подробно подвергнуты лингвокультурологическому исследованию. Например, ближний топос адыгов – горная природа и соответствующий

ландшафт – оказали особое влияние на кристаллизацию этой специфичной культуры. Семиотика степи ('ближний топос' – 'своя земля') представлена:

– как территория укрытия от царского режима и проживания казаков – терских [Заседателева, 1974];

– как территория фронта – защиты от воинственного мусульманского мира, освоенная кубанскими казаками [Сень, 2009].

У казаков часто ближним топосом ('своей землей') оказывалась территория базового промысла как основного средства существования. Так, у гребенских казаков, проживавших на берегах Каспия и в устье реки Терек жизнеобеспечение осуществлялось исключительно за счет рыболовного промысла (см. по этому поводу исследование Н. Н. Гаруновой [Гарунова, 2018]).

Ближний топос сада репрезентирует свою землю у многих этносов; садово-парковая семиотика изучалась на примере британских, немецких, французских, индийских, итальянских, китайских и японских садов; ближний топос сада и парка у российских дворян XIX века – в фокусе исследования вуjub[extys]. Сады и парки как архетипические ближние топосы в видении героев произведений А. П. Чехова изучались венгерским филологом Золтаном Хайнади [Хайнади 2004].

Ближним топосом ('своей землей') русской аристократии и элиты XIII–XX столетий являлась дача. Как резюмирует И. А. Левченко, исследовательница концепта «Дача», «...дача как концепт хабитата русской аристократии и элиты XVIII–XIX вв. есть не что иное, как феномен русской культуры и неотъемлемый компонент русской национальной языковой картины мира означенного исторического периода. С течением времени семиотическая среда актуализации данного концепта, в веках совпадавшая с семиотикой концептов «Поместье», «Усадьба», «Мыза» и «Имение» как номинаторов расположения власти к своим поданным (дарение в XVIII – начале XIX в.), значительно упростилась (аренда загородных домов в конце XIX в.) и трансформировалась в место для отдыха для горожан, выделяемых властью (СССР), а затем приобретаемых как недвижимость (Россия)» [Левченко, 2018].

Заключение

Исследуя различные этнолингвокультуры в вопросе о формировании пространственных представлений, мы пришли к выводу: **простран-**

ственные представления этносов складываются, пройдя три этапа.

Этап 1.

Как правило, в ходе исторического развития этнос формирует в своем сознании образ земли как обетованного места, территории, пригодной для проживания, но дарованной Богом или богами; как способа выживания людей, концептуализированного менталитетом представителей этноса из образа территории проживания.

Этап 2.

Этот образ земли когнитивно осваивался и наделялся статусом концепта, которому присваивалось имя (например, русское – «Земля»; греческое – «Γη»; латинское – «Terra»; нидерландское – «Land»; датское – «Jorden»; исландское – «Ríki»; немецкое – «Boden» и т. д.).

Этап 3.

По мере укрепления государств и с формированием кодексов законов представления о земле институционализировались, юридически закрепились в виде представлений о земле как объекте коллективной и индивидуальной собственности.

Практически каждый этнос в собственном менталитете фиксирует **вертикальную** и **горизонтальную проекции мира**, три уровня мироздания – *верхний, срединный и нижний*.

Верхний мир – «божья юдоль», место, где живут боги, птицы и фантастические создания; нижний мир – место упокоения усопших предков и хтонических существ, олицетворявших собой дикую природную мощь земли; звероподобных существ, наделенных сверхъестественными способностями, такими как оборотничество.

Средний или срединный мир – та самая земля («своя земля»), которая отведена для бытования людей, животных и растений. Так, для англосаксов своя земля – «комфортный топос, защищенный богами неба как «крыши народов»» (*folca hrofes*) [Янушкевич, 2009]. Как аргументировано отмечает Е. А. Самохина, следуя позициям Е. Г. Бруновой и И. Ф. Янушкевич, «ценность концепта land семантически рефлексирована в вербализирующей его лексеме позитивно, как 'свое благоприятное пространство': для англосаксов оно просторно (*rūme land, side and wide*), состоит из прекрасных равнин (*wlítebeorhtne wang*), ярко освещенных и зеленых от сочной травы (*leoht, sciman*). Земля – это широкие уголья (*widlond*), упорядоченные и пригодные для эффективного хозяйствования из-за наличия до-рог (*wegas nytte*)» [Самохина, 2010].

Человек, как свидетельствует З.Ж. Кудева, известный знаток семиотики адыгской мифологии, в характерной для адыгского этноса модели ментальной экспликации пространства в его трехуровневой вертикальной структуризации («верхний», «срединный» и «нижний» миры) занимает срединный мир вместе с животными и растениями [Кудева, 2008].

Этого мнения придерживается и Ф. М. Таказов, утверждая, что «...пространственная модель мира осетинской мифологической системы включает «горизонтальную» и «вертикальную» проекции <...> Горизонтальная проекция антропоцентрична» [Таказов, 2012].

Своя и чужая земля, подвергаясь концептуализации, в пространственном этносемиозисе непременно предполагает наличие границы.

Библиографический список

1. Адыгские пословицы и поговорки (с их толкованиями). Антологический свод адыгского фольклора / сост. Л. А. Гутова. Нальчик : Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2016. 364 с.
2. Балашова Л. В. Реализация концептов «свой – чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика 1 (47) 2014. С. 40–50.
3. Бойко М. А. Роль дискурсивных факторов «свой», «чужой», «другой» в процессе формирования коллективной идентичности СМИ // Политическая лингвистика. 2005. № 17. С. 163–178.
4. Буряковская В. А. Признак этничности в семантике языка (на материале русского и английского языков). Волгоград, 2000. URL: <http://31f.ru/dissertation/100-dissertaciya-priznaketnichnosti-v-semantike-yazyka.html> (дата обращения: 09.02.2022).
5. Гарунова Н. Н. Рыба и продукты рыболовства в системе жизнеобеспечения и традиционной кухне жителей низовий Терека в XVIII–XIX вв. // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. Том 33. Вып. 1. С. 39–44.
6. Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). Историко-этнографические очерки : монография. Москва : МГУ, 1974. 421 с.
7. Кабакова Г. И. Русские традиции застолья и гостеприимства. Москва : ФОРУМ: НЕОЛИТ, 2015. 464 с.
8. Карасик В. И. Архетипические концепты в общении // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003. С. 39.
9. Керашев Т. М. Избранное / предисловие У. М. Панеша. Изд 2-е. Майкоп : Адыгейское респ. кн. изд-во, 2007. 589 с.
10. Ковлакас Е. Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты : монография. Краснодар : КубГУ, 2008. 250 с.
11. Королева Т. А. Лингвистические средства реализации социальной оппозиции «свой – чужой» в политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 5(71): в 3-х ч. Ч. 2. С. 85–88.
12. Красильникова Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории свои – чужие в экологическом дискурсе США, России и Англии. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2005.
13. Кудева З. Ж. Мифопоэтическая модель адыгской словесной культуры. Нальчик : Эльбрус, 2008. 293 с.
14. Левченко И. А. Семиотика дачи как концепта хабитата русской аристократии и элиты XVIII–XIX столетий: предметные, образные и ценностные характеристики // Известия ВГПУ. Филологические науки. Языкознание. №9 (132). 2018. С. 147–155.
15. Нехорошева А. М. Механизмы формирования когнитивной матрицы «свой – чужой» в немецком политическом дискурсе (на примере выступлений Ангелы Меркель) // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 140–145.
16. Пивовар Е. С. Ключевые ментальные сущности в белорусской и русской художественных концептосферах // Язык как зеркало культуры: сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора М. В. Пименовой. Санкт-Петербург : СПбГЭУ, 2019. 336 с. (Серия «Концептуальные исследования»). Вып. 24). С. 127–134.
17. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. Москва, 1988.
18. Пудова Е. А. Концепт «Чужие» как базовый концепт политического дискурса «Объединение Германии» // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. Вып. 96. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-chuzhie-kak-bazovyy-kontsept-politicheskogo-diskursa-obedinenie-germanii#ixzz21McM56Dc>. (дата обращения: 09.02.2022).
19. Самохина Е. А. Паремнологическая репрезентация концепта «land» в англоязычной лингвокультуре. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paremiologicheskaya-reprezentatsiya-kontsepta-land-v-angloyazychnoy-lingvokulture> (дата обращения: 09.02.2022).
20. Санцевич Н. А. Различие метафорических моделей и оппозиция «свой – чужой» в немецкой периодической печати как один из параметров вариативности языковой картины мира // Политическая лингвистика. 2003. № 11. С. 171–192.
21. Сахно С. Л. Свое и чужое в концептуальных структурах // Логический анализ языка. Культурные концепты. Москва : Наука, 1991. С. 95–101.
22. Свинкина М. Ю. Градуальная оппозиция «свой – иной, другой, чужой» в русском и немецком языках // Научный диалог. 2016. № 6 (54). С. 94–105.
23. Сень Д. В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина

XVII – начало XVIII). Ростов-на-Дону : изд-во Южно-го федерального университета, 2009. 280 с.

24. Синельникова Л. Н. Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 34–39.

25. Степанов Ю. С. Словарь русской культуры. Москва : Языки русской культуры, 1997.

26. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. Москва, 1977.

27. Таказов Ф. М. Архетипы модели мира в мифологии осетин // Фундаментальные исследования. 2012. № 11-6. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=30832> (дата обращения: 23.07.2020).

28. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Москва : Политиздат, 2018. 551 с.

29. Хайнади З. Архетипический топос // Литература. № 29. 2004. С. 7.

30. Чернобай С. Е., Мансурова А. В. Семантические особенности фразеологических единиц, вербализирующих концепты «свой – чужой» в английском языке. Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013. С. 331–336.

31. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Москва : Гнозис, 2004. 370 с.

32. Acta Slavica Estonica VIII. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. Свое – чужое в языке и речи / отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2016. 356 с.

33. Chambers's Etymological Dictionary of the English Language. W. & R. Chambers London and Edinburgh, 1874. 612p.

34. Wilden A. Die Konstruktion von Fremdheit: eine Interaktionistisch-Konstruktivistische Perspektive. Münster : Waxmann Publishing, 2013. 300 s.

Reference list

1. Adygskie poslovice i pogovorki (s ih tolkovaniyami). Antologicheskij svod adygskogo fol'klora = Adyghe proverbs and sayings (with their interpretations). Anthological corpus of Adyghe folklore / sost. L. A. Gutova. Nal'chik : Izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2016. 364 с.

2. Balashova L. V. Realizacija konceptov «svoj – chuzhoj» v rossijskom politicheskom diskurse nachala XXI v. = Realization of the concepts «friend – foe» in the Russian political discourse in the early XXI century // Politicheskaja lingvistika 1 (47) 2014. S. 40–50.

3. Bojko M. A. Rol' diskursivnyh faktorov «svoj», «chuzhoj», «drugoj» v processe formirovanija kollektivnoj identichnosti SMI = The role of discursive factors «friend», «foe», «the other» in forming collective media identity // Politicheskaja lingvistika. 2005. № 17. S. 163–178.

4. Burjakovskaja V. A. Priznak jetnichnosti v semantike jazyka (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov) = The sign of ethnicity in language semantics (based on the Russian and English languages). Volgograd, 2000. URL: [http://31f.ru/dissertation/100-dissertaciya-](http://31f.ru/dissertation/100-dissertaciya-priznaketnichnosti-v-semantike-yazyka.html)

[priznaketnichnosti-v-semantike-yazyka.html](http://31f.ru/dissertation/100-dissertaciya-priznaketnichnosti-v-semantike-yazyka.html) (data obrashhenija: 09.02.2022).

5. Garunova N. N. Ryba i produkty rybolovstva v sisteme zhizneobespechenija i tradicionnoj kuhne zhiteljev nizovij Tereka v XVIII–XIX vv. = Fish and fishery products in the subsistence system and traditional cuisine of the lower Terek inhabitants in the XVIII–XIX centuries // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Gumanitarnye nauki. 2018. Tom 33. Vyp. 1. S. 39–44.

6. Zasedateleva L. B. Terskie kazaki (seredina XVI – nachalo XX v.). Istoriko-jetnograficheskie ocherki = Terek Cossacks (mid XVI – early XX c.). Historical and ethnographic essays : monografija. Moskva : MGU, 1974. 421 s.

7. Kabakova G. I. Russkie tradicii zastol'ja i gostepriimstva = Russian feasting and hospitality traditions. Moskva : FORUM: NEOLIT, 2015. 464 с.

8. Karasik V. I. Arhetipicheskie koncepty v obshhenii = Archetypal concepts in communication // Prjamaja i neprjamaja kommunikacija. Saratov, 2003. С. 39.

9. Kerashev T. M. Izbrannoe = Selected works / Predislovie U. M. Panesha. Izd 2-e. Majkop : Adygejskoe resp. kn. izd-vo, 2097. 589 s.

10. Kovlakas E. F. Osobnosti formirovanija toponimicheskij kartiny mira: leksiko-pragmaticheskij i jetnokul'turnyj aspekty = Specifics of toponymic world picture formation: lexical, pragmatic and ethnocultural aspects : monografija. Krasnodar : KubGU, 2008. 250 s.

11. Koroleva T. A. Lingvisticheskie sredstva realizacii social'noj oppozicii «svoj – chuzhoj» v politicheskom diskurse = Linguistic means of expressing social opposition «friend – foe» in political discourse // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2017. № 5(71): v 3-h ch. Ch. 2. С. 85–88.

12. Krasil'nikova N. A. Metaforicheskaja reprezentacija lingvokul'turologicheskij kategorii svoi – chuzhie v jekologicheskom diskurse SShA, Rossii i Anglii = Metaphorical representation of the linguocultural category of friends – foes in the ecological discourse of the USA, Russia and England. Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t., 2005.

13. Kudaeva Z. Zh. Mifopojeticheskaja model' adygskoj slovesnoj kul'tury = Mythopoetic model of Adyghe verbal culture. Nal'chik : Jel'brus, 2008. 293 s.

14. Levchenko I. A. Semiotika dachi kak koncepta habitata russkoj aristokratii i jelity XVIII–XIX stoletij: predmetnye, obraznye i cennostnye harakteristiki = Semiotics of dacha as a concept of habitat for XVIII–XIX cc Russian aristocracy and elite: subject, image and value characteristics // Izvestija VGPU. Filologicheskie nauki. Jazykoznanie. №9 (132). 2018. S. 147–155.

15. Nehorosheva A. M. Mehanizmy formirovanija kognitivnoj matricy «svoj – chuzhoj» v nemeckom politicheskom diskurse (na primere vystupenij Angely Merkel') = Formation mechanisms of the cognitive matrix «friend – foe» in German political discourse (based on Angela Merkel's speeches) // Politicheskaja lingvistika. 2012. № 2 (40). S. 140–145

16. Pivovarov E. S. Ključevye mental'nye sushhnosti v belorusskoj i russkoj hudozhestvennyh konceptosferah = Key mental entities in Belarusian and Russian artistic concept spheres // *Jazyk kak zerkalo kul'tury: sbornik nauchnyh statej k jubileju doktora filologičeskikh nauk, professora M.V. Pimenovoj. Sankt-Peterburg : SPbGJeU, 2019. 336 s. (Serija «Konceptual'nye issledovanija». Vyp. 24). S. 127–134.*
17. Postovalova V. I. Kartina mira v zhiznedejatel'nosti cheloveka = The worldview in human activities // *Rol' chelovečeskogo faktora v jazyke. Jazyk i kartina mira. Moskva, 1988.*
18. Pudova E. A. Koncept «Chuzhie» kak bazovyj koncept političeskogo diskursa «Ob#edinenie Germanii» = The concept «Strangers» as a basic concept in the political discourse «Unification of Germany» // *Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gercena. 2009. Vyp. 96. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-chuzhie-kak-bazovyy-kontsept-politicheskogo-diskursa-obedinenie-germanii#ixzz21McM56Dc>. (data obrashhenija: 09.02.2022).*
19. Samohina E. A. Paremiologičeskaja reprezentacija koncepta «land» v anglojazyčnoj lingvokul'ture = Paroemiological representation of the concept «land» in English linguistic culture. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paremiologičeskaja-reprezentacija-koncepta-land-v-anglojazyčnoj-lingvokul'ture> (data obrashhenija: 09.02.2022).
20. Sancevich N. A. Razlichie metaforičeskikh modelej i oppozicija «svoj – chuzhoj» v nemeckoj periodičeskoj pečati kak odin iz parametrov variativnosti jazykovoj kartiny mira = Difference between metaphorical models and the opposition «friend – foe» in German periodicals as an aspect of the linguistic worldview variability // *Političeskaja lingvistika. 2003. № 11. S. 171–192.*
21. Sahn S. L. Svoe i chuzhoe v konceptual'nyh strukturah = One's own and alien in conceptual structures // *Logičeskij analiz jazyka. Kul'turnye koncepty. Moskva : Nauka, 1991. S. 95–101.*
22. Svinkina M. Ju. Gradual'naja oppozicija «svoj – inoj, drugoj, chuzhoj» v russkom i nemeckom jazykah = Gradual opposition «one's own – alien, the other, stranger» in Russian and German languages // *Nauchnyj dialog. 2016. № 6 (54). S. 94–105.*
23. Sen' D. V. Kazachestvo Dona i Severo-Zapadnogo Kavkaza v otnošenijah s musul'manskimi gosudarstvami Prichernomor'ja (vtoraja polovina XVII – nachalo XVIII) = Cossacks of the Don and North-West Caucasus in relations with the Muslim states of the Black Sea region (second half of XVII – beginning of XVIII cc). *Rostov-na-Donu : izd-vo Južnogo federal'nogo universiteta, 2009. 280 s.*
24. Sinel'nikova L. N. Kommunikativnye modeli oppozicionnogo političeskogo diskursa = Communicative models of oppositional political discourse // *Političeskaja lingvistika. 2010. № 1 (31). S. 34–39.*
25. Stepanov Ju. S. Slovar' russkoj kul'tury = Dictionary of the Russian culture. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1997.
26. Sossjur F. de Kurs obshhej lingvistiki = The general linguistics course // *Trudy po jazykoznaniju. Moskva, 1977.*
27. Takazov F. M. Arhetipy modeli mira v mifologii osetin = Archetypes of the world model in Ossetian mythology // *Fundamental'nye issledovanija. 2012. № 11-6. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=30832> (data obrashhenija: 23.07.2020).*
28. Frjezer Dzh. Dzh. Zolotaja vetv'. Issledovanie magii i religii = The golden branch. A study of magic and religion. Moskva : Politizdat, 2018. 551 s.
29. Hajnadi Z. Arhetipičeskij topos = Archetypal topos // *Literatura. № 29. 2004. S. 7.*
30. Chernobaj S. E., Mansurova A. V. Semantičeskije osobennosti frazeologičeskikh edinic, verbalizirujuščih koncepty «svoj – chuzhoj» v anglijskom jazyke = Semantic features of phraseological units verbalizing the concepts «friend – foe» in the English language // *Učenyje zapiski Tavričeskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Serija «Filologija. Social'nye kommunikacii». Tom 26 (65), № 2. 2013. S. 331–336.*
31. Shejgal E. I. Semiotika političeskogo diskursa = Political discourse semiotics. Moskva : Gnozis, 2004. 370 s.
32. Acta Slavica Estonica VIII. Trudy po russkoj i slavjanskoj filologii. Lingvistika XVII. Svoe – chuzhoe v jazyke i reči = Works on Russian and Slavic philology. The XVII century linguistics. One's own – alien in language and speech / *otv. red. I. P. Kjul'moja. Tartu, 2016. 356 s.*
33. Chambers's Etymological Dictionary of the English Language. W. & R. Chambers London and Edinburgh, 1874. 612r.
34. Wilden A. Die Konstruktion von Fremdheit: eine Interaktionistisch-Konstruktivistische Perspektive. Münster : Waxmann Publishing, 2013. 300 s.

Статья поступила в редакцию 15.08.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 15.08.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.